

Язык Ленина в оценке русских формалистов. Риторический анализ

Георгий Хазагеров

Независимый исследователь

Ереван, Армения

Independent researcher

Yerevan, Armenia

E-mail: khazagerov@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0001-5713-3590>

Резюме. Статья посвящена языку Ленина. В ней рассматривается трактовка этого языка представителями русской формальной школы. Материалом статьи являются публикации шести лучших представителей этой школы в 1924 г. В статье ставится вопрос о том, действительно ли язык Ленина близок языку русского авангарда, на чем настаивают авторы публикаций. Сегодня этот вопрос остается актуальным в свете теории двух культур внутри советской – революционной и охранительной, а также в свете сближения формалистов с постмарксистской критикой. Положения формалистов рассматриваются в статье с позиции риторического дискурса-анализа. Последовательно подвергаются сомнению четыре тезиса о языке Ленина, выдвинутые формалистами. Сомнению подвергается также идея об особой ясности языка Ленина, на чем настаивала советская лингвистика.

Ключевые слова: язык Ленина, дискурс, стиль, манипулирование.

Lenin's Language in the Assessment of Russian Formalists. Rhetorical Analysis

Abstract. The article is dedicated to Lenin's language. The interpretation of the language of Lenin by representatives of the Russian formal school is examined. The material of the article is the publications of the six best representatives of this school in 1924. The article raises the question of whether Lenin's language is really close to the language of the Russian avant-garde, as the authors of the publications insist. Today, this question remains relevant in the light of the theory of two cultures within the Soviet one – revolutionary and protective – as well as in the light of the rapprochement of formalists with post-Marxist criticism. The provisions of the formalists are considered in the article from the perspective of rhetorical discourse analysis. Four theses about Lenin's language put forward by the formalists are consistently questioned. The idea of the special clarity of Lenin's language, which Soviet linguistics insisted on, is also challenged.

Keywords: Lenin's language, discourse, style, manipulation.

Lenino kalba: kaip ją vertino rusų formalistai. Retorinė analizė

Santrauka. Straipsnyje, remiantis šešių geriausių šios mokyklos atstovų publikacijomis (1924 m.), nagrinėjama, kaip rusų formaliosios mokyklos atstovai interpretavo Lenino kalbą. Straipsnio autorius kelia klausimą, ar iš tiesų Lenino kalba buvo artima rusų avangardo kalbai. Šis klausimas išlieka aktualus ir šiandien, ypač prisimenant dvi – revoliucijos ir apsaugos – kultūros teorijas, kartu egzistavusias sovietinėje erdvėje, taip pat formalistų suartėjimą su postmarksistine kritika. Straipsnyje formalistų nuostatos nagrinėjamos iš retorinės diskurso analizės perspektyvos, nuosekliai aptariamos keturios formalistų iškeltos tezės apie Lenino kalbą. Straipsnio autorius abejoja sovietų lingvistų primygtinai deklaruojamomis nuostatomis apie ypatingą Lenino kalbos aiškumą.

Reikšminiai žodžiai: Lenino kalba, diskursas, stilius, manipuliacija.

Received: 03/03/2024. Accepted: 20/04/2024

Copyright © 2024 Georgy Khazagerov. Published by Vilnius University Press

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original author and source are credited.

В 1924 г. в первом номере журнала «ЛЕФ» («Левый фронт искусств») были опубликованы статьи о языке В. И. Ленина шести русских филологов, представлявших собой цвет русской формальной школы – Виктора Шкловского¹, Бориса Эйхенбаума², Льва Якубинского³, Юрия Тынянова⁴, Бориса Казанского⁵ и Бориса Томашевского⁶. В том же году находящийся в эмиграции поэт Владислав Ходасевич дал критическую оценку этих публикаций (Ходасевич, 2010). Современный исследователь Сергей Яров упоминает также вышедшую в 1926 г. «умеренно “формалистическую”» книгу А. Финкеля «О языке и стиле В. И. Ленина» (Яров, 2007). Позже складывается каноническая советская трактовка языка Ленина, представленная и в художественной, и в научной литературе. В этой трактовке успех Ленина-ритора приписывается феноменальной простоте и ясности его стиля.

Уже в постперестроечное время выходит влиятельная книга Владимира Паперного (Паперный, 1996), получившая одобрение у такого авторитетного филолога, как Вячеслав Вс. Иванов (Иванов, 1996). Статья снова возвращает нас к мыслям русских формалистов. Основной ее вывод – революционная риторика Ленина и первых большевиков связана с искусством авангарда, в то время как охранительная риторика Сталина и его последователей скучна и бюрократична. В область риторики эти идеи перенес А. П. Романенко (Романенко, 2003). В 2018 г. выходит статья Ильи Калинина с характерным названием «Как сделан язык Ленина», в которой русские формалисты с их анализом языка Ленина толкуются как предшественники постмарксистской культурной критики (Калинин, 2018).

В настоящей статье ставятся два вопроса.

Действительно ли существует глубокая, органическая связь между Лениным и революционным искусством или риторика авангарда была полезной большевикам именно в двадцатые годы?

Действительно ли сила риторики Ленина заключается в простоте и ясности языка или триумф ленинской риторики объясняется другими причинами, тоже лежащими в области лингвистики и риторики, но не получившими правильной артикуляции?

Анализируемых статей шесть, но темы в них повторяются. Тем этих можно выделить четыре. Попробуем рассмотреть их последовательно.

1. Апология низкого стиля. Ленин и Маяковский.
2. Апология скудности языка и остранение. Ленин и Толстой.
3. Апология алогизма и «лексический разряд».
4. Апология бездоказательности и «стойкость слов».

¹ В. Шкловский. *Ленин, как деканонизатор*.

² Б. Эйхенбаум. *Основные стилевые тенденции в речи Ленина*.

³ Б. Якубинский. *О снижении высокого стиля у Ленина*.

⁴ Ю. Тынянов. *Словарь Ленина-полемиста*.

⁵ Б. Казанский. *Речь Ленина. (Опыт риторического анализа)*.

⁶ Б. Томашевский. *Конструкция тезисов*.

Апология низкого стиля. Ленин и Маяковский

О снижении стиля у Ленина так или иначе писали все авторы статей, но наиболее развернуто – Тынянов и Эйхенбаум. Это снижение ставится Ленину в заслугу, его сравнивают с Толстым и Маяковским. Вопрос о функциональном смысле такого снижения, которое ставит оратора над интеллигентским дискурсом, где ему пришлось бы иметь дело с аргументами и фактами, формалистами не ставится. Речь идет лишь о том, что Ленину как писателю просто претит высокий стиль, и он идет путем новатора.

Вот что пишет Юрий Тынянов:

...не так важна «бранность» слов, как то, что они в данной конструкции новы. Есть «ругань» литературная и даже характерная для литературы, – такие бранные слова, разумеется, не будут играть той же роли, что бранные слова неупотребительные в данной конструкции, будь то ораторская речь или газетная статья.

(Тынянов, 1924, с. 105)

В заслугу Ленину, таким образом, ставится нарушение правил интеллигентского дискурса. Примеры Тынянова: «Вы шуты гороховые, ибо вы прекраснодушными словами заговариваете и заслоняете вопрос о голоде [который оппоненты, напротив, поднимают]»; «...есть мерзавцы, которые все же кричат: «крестьяне, вас грабит Сов. Власть [сказано в тот момент, когда это так и происходило]» (Там же, с. 106).

А вот что пишет Борис Эйхенбаум, увидевший в стиле Ленина борьбу с «большими словами»:

Все, что носит на себе отпечаток «поэтичности» или философской возвышенности, возбуждает в Ленине гнев и насмешку. Он в этом смысле так же аскетичен и суров, как Толстой. Если поставить его стиль на фоне того пышного философского и публицистического стиля, который господствовал в русской интеллигенции начала XX века (Вл. Соловьев, Мережковский, Бердяев и т. д.), то разница станет особенно ясной. Ленин избегает всякой абстракции, квалифицируя ее как «болтовню».

(Эйхенбаум, 1924, с. 62)

Итак, перед нами честный, серьезный оратор, уходящий от всяких украшательств. Однако при развернутой характеристике выясняется и нечто другое:

В общем стиль Ленина представляет собой своеобразное сочетание трех стилевых слоев: русской интеллигентско-книжной речи, восходящей к Чернышевскому, русской разговорно-обиходной и спорицкой речи («словечки») и латинского ораторского стиля (Цицерон). Последний элемент является, очевидно, следом классического образования (см. частые латинские пословицы), полученного Лениным и, быть может бессознательно, использованного им для конструкций некоторых речей и статей. Внедрением второго элемента он нарушает традиции интеллигентской речи и снижает ее. Пафос «будничных» слов и выражений («очень уж недопустимых») является отличительной чертой его стиля. Здесь он исторически соприкасается с тем разрушением традиционной «поэтичности», которое отличало Толстого и которое в резкой форме явилось заново у футуристов – в частности у Маяковского.

Традиции «высокого» ораторского стиля смещены, несмотря на сохранение целого ряда традиционных классических приемов, получающих в таком сочетании новое функциональное значение.

(Там же, с. 70)

Итак, к Толстому добавлен Маяковский. Разрушение «поэтичности», если говорить о Ленине, а не о футуристах, у которых присутствовал эпатаж и некоторая доля самоиронии, и не о Толстом, который избегал бранной лексики, это уже не столько простой, сколько именно низкий стиль. Не «будничность», а глумление, лингвистический цинизм – вот что представляет собой такой стиль. Будничный, деловой стиль не предполагает поношения своих оппонентов. Быть может, это «спорщицкая речь»? Но тут следует привести еще одну цитату из Эйхенбаума, практически совпадающую с моей концепцией монологичности ленинской риторики и тактики уклонения от спора с равными, но выраженную иными словами:

Он [Ленин] почти всегда имеет перед собой, с одной стороны, противников и врагов, с другой – некую массу, на которую нужно воздействовать, которую нужно убедить. В связи с этим речь его всегда окрашена, с одной стороны, тоном иронии и насмешки, с другой – тоном категорического, энергичного утверждения.

(Там же, с. 58)

Иными словами, есть оппоненты, и с ними он не спорит, их он высмеивает и делает относительно них безапелляционные утверждения. Ленинская риторика действительно изобилует навешиванием обидных ярлыков и бездоказательными постулатами. Она номинативна, перформативна, ее можно было бы назвать «самопровозглашенной», потому что ее доказательная база часто сомнительна. В защиту этой риторики можно сказать только одно – и Эйхенбаум это, конечно, говорит – это агитационная речь. Агитатор обращается к массе, и он не обязан выслушивать оппонентов.

Однако весь фокус риторики большевиков вообще и Ленина, в частности, состоит в том, что их риторика ничего кроме агитации и пропаганды и не знает. Ведь и Эйхенбаум пишет, что Ленин агитатор не только в речах, но и в статьях. Выражаясь метафорически, Ленин всегда на броневике, всегда перед массой, всегда в роли учителя, популяризатора и вульгаризатора, всегда, так сказать, в кепке, а значит, и взять с него нечего. Он в кепке, даже когда конспектирует Гегеля: «Бога жалко, сволочь идеалистическая!», в кепке, когда пишет философский труд «Материализм и эмпириокритицизм»: «А голеньким-то оказался сам господин Мах».

Но его кепка – это не «кофта фата» Маяковского, во-первых, потому что Ленин не поэт, а политический деятель, претендующий к тому же на роль философа, во-вторых, потому что кофта фата – это только одна деталь в обширном гардеробе поэта. Стилевой же арсенал Ленина скуден. Язык Чернышевского? Относительно этого языка можно соглашаться или не соглашаться с Владимиром Набоковым⁷, но

⁷ Тонкая карикатура на этот язык была, как известно, создана Владимиром Набоковым в романе «Дар».

Чернышевский был литературным критиком, включенным в полемику, а о цитатах Ленина из русской художественной литературы современным исследователем было сказано следующее: «Набор используемых Лениным литературных цитат довольно беден. Как правило, он ограничивается теми авторами, изучение которых являлось обязательным в гимназиях – только общепризнанные классики, никаких модернистов и очень мало “второстепенных” писателей» (Яров, 2007). О Цицероновской линии и говорить нечего: бедный набор повторяющихся латинских выражений, выглядящих странно на общем фоне (какое-нибудь *cum grano salis*), полное отсутствие блеска, что признавали и пытавшиеся сказать ему комплимент формалисты, – таков ленинский Цицеронизм.

Скудость стиля неравна авангардистским поискам, как неравна она и аскетизму. Авангардист хочет идти непроторенной дорогой, мысль о том, что сегодня называется «снижением планки», ему чужда. Да, «улица корчилась безъязыкая», говорил Маяковский, но он, несмотря на навязший в зубах агитпроп, дал улице все же другой язык. Конечно, был и агитпроп, были Окна РОСТА. Но в этом, что особенно заметно в рекламных текстах Маяковского, присутствовала условность и даже временами элемент самоиронии. Ленин не мог бы сказать: «Тот, кто постоянно ясен, тот, по-моему, просто глуп».

Ленин, как мы знаем, не понял и не принял эстетики Маяковского (Наумов, 1958). С точки зрения большевиков, личность агитатора, «революцией мобилизованного и призванного», была неважна. Маяковского можно было заменить и Демьяном Бедным. Важен напор, важна массовость, важен авторитет вождя. «Кавалерия острот» с отточенными пиками рифм была, что называется, не критична. В двадцатые годы был Маяковский, в пятидесятые – Исаковский. Один авангардист, другой – классицист. И это не было сменой «культуры Один» «культурой Два», как полагает Паперный, потому что для заказчика культура не имела никакого значения. Но вернемся к формалистам.

Апология скудости языка и остранение. Ленин и Толстой

Термин «остранение», как известно, был предложен Виктором Шкловским еще в 1916 г. Напомним, что, рассмотрев описание оперы в «Войне и мире», автор пришел к выводу, что Толстым создается особое видение предмета вместо его простого узнавания: «На сцене были ровные доски посередине, с боков стояли крашенные картоны, изображающие деревья, позади было протянуто полотно на досках».

Для Толстого такие «видения» особенно характерны там, где он старается посмотреть на какой-то культурный институт глазами наивного, «естественного» наблюдателя и тем показать противоестественность самого института. Таким образом он описывает не только оперу, но и, например, суд в романе «Воскресение». Для Шкловского же и формалистов главное в остранении заключалось в выявлении новой потенции слова, в разрушении автоматизма восприятия в ходе «остранения».

Статью о языке Ленина Шкловский назвал «Ленин, как деканонизатор». Автор утверждает, что Ленин, как и Лев Толстой, разрушает канон восприятия:

Ленин презирует людей, которые заучили книжки. Его стиль состоит в снижении революционной фразы, в замене ее традиционных слов бытовым синонимом. В этом отношении стиль Ленина близко примыкает по своему основному приему к стилю Льва Толстого. Ленин против названья, он устанавливает каждый раз между словом и предметом новое отношение, не называя вещи и не закрепляя новое название.
(Шкловский, 1924, с. 56)

Пример, приводимый Шкловским, выглядит не очень убедительно:

Один воронежский профессор написал Ленину письмо, где перечислил все беды, которые он испытывал в провинции. Начальник отряда, расквартированного в его квартире, вмешивался в частную жизнь профессора и требовал, например, чтобы тот спал в одной постели со своей женой. Ленин ответил на это письмо. В этом ответе он остановился на самом остром моменте, доказывая, что «Во-первых, поскольку желание интеллигентных людей иметь по две кровати, на мужа и на жену, есть желание законное (а оно, несомненно, законное), постольку для осуществления его необходим более высокий заработок, чем средний. Не может же автор письма не знать, что в “среднем” на российского гражданина никогда по одной кровати не приходилось».

(Там же)

Трудно без особого желания усмотреть в издевательском ответе Ленина именно остранение в духе Толстого, а не глубокое презрение к интеллигенции, выразившееся в циничной насмешке сильного над слабым. Но насмешка не самоцель Ленина, и причина его «деканонизаторства» в другом. Здесь легко увидеть чисто риторические резоны.

Для Ленина, который прежде всего хочет отделаться от дискурса культурных людей, чтобы учить «массу», что ей делать, люди, «заучившие книжки» (имеющие независимые источники информации) – досадная помеха. Толстой же, во-первых, апеллирует к людям, которые читали книжки, а не, скажем, непосредственно к Платону Каратаеву или Ерошке, во-вторых, он будит в них новый взгляд на вещи, вытекающий из его анархических, антиинституциональных, но глубоко выстраданных и обдуманных представлений.

Ленинское борьба с канонem вытекает не из того, что он защищает неканонический взгляд на вещи, будучи новатором в языке, а из того, что ему претит принятая система рассуждений. Он знает, что, рассуждая, как это принято меж образованных людей, он окажется одним из многих, и к захвату большевиками власти это его несколько не приблизит. Глумясь же над профессором, который есть «кадетская сволочь» или «около кадетская сволочь», он устанавливает контакт с подлинным адресатом речи и к тому же открыто демонстрирует свою «неподсудность» перед правилами нормального ведения дискуссии.

Однако современный исследователь Илья Калинин смотрит на деканонизаторство Ленина иначе, чем мы. Он усматривает глубокое родство между остранением

Шкловского и политическим новаторством Ленина, который занят деконструкцией, только не в области поэтики, а в области политики. При этом автор справедливо обнаруживает связь идей формалистов с современной левой мыслью (Калинин, 2018).

С моей же точки зрения, Ленин не демонтировал и не пародировал концепты буржуазной культуры, так как он работал не с концептами, а с коммуникативной ситуацией, в которой ему было тесно. Горизонт планирования зарождающейся тоталитарной риторики не был столь обширен, как у авангардной мысли или современных интеллектуалов. Большевики не семантики, а прагматики и всегда жили текущей коммуникативной задачей. Через какие-нибудь несколько лет начнется разгром формалистов, чья эстетика мешала пропаганде времен индустриализации. Взяв курс на разрыв с общепринятым дискурсом (это сохранилось), большевики тридцатых годов заимствуют новые приемы у религиозного символизма (см. Хазагеров, 2012; Хазагеров, 2022), а еще позже обратятся к опыту классицизма, то есть эстетике, прямо противоположной авангарду.

Апология алогизма и «лексический разряд»

В статье Б. Якубинского «О снижении высокого стиля у Ленина» говорится:

С формальной точки зрения «лексический разряд» есть некоторое «перечисление», но логическое, предметное значение этого перечисления стоит совсем на заднем плане, и это «перечисление» является фактом эмоционального говорения (а следовательно, может быть использовано и как прием эмоционального внушения посредством речи), когда высокое эмоциональное напряжение разрешается мобилизацией ряда подобных членов предложения, при чем эти подобные члены следуют или непосредственно друг за другом, или ряд организован путем применения, например, союза «и».

(Якубинский, 1924, с. 75)

Примеры «лексических разрядов»: «великорусская нация тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое рабство перед попами, царями, помещиками и капиталистами»; «хотим... свободной и независимой»; «царизм не только угнетает,... но и деморализует, унижает, обесчещивает, prostituteрует его...»; «вся история капитала есть история насилий и грабежа, крови и грязи»; «такой раб, вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения, есть холуй и хам».

Все примеры, как видим, представляют собой риторическую амплификацию, действительно очень типичную для речи Ленина и чаще всего призванную не просто нагнетать эмоции, но и затушевывать смысловые различия. Суть амплификации в том, что с каждым новым синонимом идет приращение значения, часто неочевидное, создающее общее ощущение некоего собирательного множества по типу эллиптического плюраля⁸ как он проявляется в языках мира. Чаще всего такой плюраль вы-

⁸ Э. Швейцер предложил различать эллиптический плюраль, в котором преобладает идея различия элементов множества, и амплифицирующий, в котором преобладает идея сходства (Schwyzer, 1950, p. 299).

ражается неточной редупликацией: «чай-пай» (чай и всё к чаю) в тюркских языках, сленговое «культур-мультир» в русском и т.п., где вторая часть слова – «довесок» к основному, передающему смысл. Но возможны и образования из знаменательных слов типа «чай-сахар», «злато-серебро», «шелка-бархаты» (Хазагеров, 2020).

В первом примере из Ленина приращение смысла очевидно (тюрьма – это одно, виселица – другое), в последующих же – нет. Неочевидны и неактуальны в быстром перечислении смысловые отношения между свободой и независимостью, холуем и хамом. В данном случае все это слова пейоративные.

Но еще в большей степени манипулятивность риторики Ленина проявляется, когда речь идет о важных категориях, о тех самых классах, которые составляют ядро марксистского учения. Здесь в роли амплификации выступают комбинации из слов «рабочие», «крестьяне» и «трудящиеся». Никогда нельзя быть уверенным, что именно подразумевается под собирательным множеством «рабочие и крестьяне» в данный момент в данной речи Ленина. Часто «крестьяне» просто являются добавкой, как «машлык» к слову «шашлык». Не все логически прозрачно и с «трудящимися», в число которых явно не входят люди умственного труда, но могут входить люди вообще не работающие – иждивенцы или люмпены.

Апология бездоказательности и «стойкость слов»

Б. Казанский дал своей статье подзаголовок «Опыт риторического анализа». При этом он отмечает:

...бесполезно искать в речах Ленина «поэзию» или «риторику»; он не думает об изяществе построения, не щеголяет поэтической культурой и эрудицией; напыщенность и претенциозность, любование поэтическими красотами и стилистическими украшениями ему претит; он ненавидит «фразу» и презирает «декламацию» и даже к собственным принципам и лозунгам относится не как к священным догматам, а как к служебным, утилитарным формулам действия, т.е. поскольку они для данного момента и в данной обстановке действительно полезны. Слово для Ленина – только передаточное средство, диалектическое и практическое орудие политического воздействия.

(Казанский, 1924, с. 112)

В таких выражениях можно описывать и манипулирование. В частности, способность «утилитарных формул» означать один раз одно – другой раз другое. Это называется антанакласой (признанный вид логической уловки), которой владели еще ведьмы в «Макбете», с этим хорошо сочетается любимый прием Ленина – диафора, то есть антитеза в пределах одной лексемы. Для миллионов людей ленинский стиль узнавался по его знаменитой диафоре: «Есть компромиссы и компромиссы». Одни компромиссы противопоставляются другим компромиссам, одна диктатура – другой диктатуре, одно государство – другому государству, одни Советы – другим Советам. Примеров множество. В качестве курьеза можно упомянуть об одном советском филологе, исследовавшем стиль Ленина и пришедшем к выводу, что он открыл

новую, чисто «ленинскую» фигуру речи, неизвестную классической риторике. Это была диафора!

Вообще возникает впечатление, что истинное отношение Казанского к языку Ленина при внешней почтительности не слишком восторженное. Чувствуя это, он оговаривается:

Но не следует думать, что повторением Ленин просто бьет как первой попавшейся палкой, и что этим же объясняется и характерная для него стойкость слов и образов, которая возводит их в лейтмотивы, доминирующие над всем периодом. Повторение создает строгий своего рода «геометрический» стиль речи Ленина, прямолинейной, графической в силу крайней экономии средств, как чертеж, лишенной всякой раскраски, всякой затушевки, которые сделали бы четкие линии расплывчатыми и неопределенными. Ленин обращается не к чувству и не к воображению.

(Там же, с. 118)

«Стойкость» слов – это подмеченная Казанским склонность Ленина к лексическим повторам, однако особый геометрический рисунок в этих механических повторениях увидеть сложно. Повтор неизбежно возникает в речи уверенного человека, охваченного неизменным чувством, которое он хочет донести до других. Не будучи связан с симметрией (сравни речи Сталина, стремящиеся продемонстрировать продуманность и логичность), повтор – именно та фигура, относительно которой верна французская пословица о рыночной торговке, которая за час употребляет больше фигур речи, чем за день произносится в академии. Любую самую «нестойкую», уязвимую мысль можно подкрепить (если не в академии, то на рынке) «стойкостью слов», то есть безапелляционным напором.

Безапелляционность риторики Ленина в эвфемистических и мелиоративных выражениях отмечает и Б. Томашевский:

Главной задачей словесных построений Ленина была их актуальная действенность. У него с редкой для теоретического мыслителя гибкостью общие положения переливаются в лозунги, словесные директивы политического действия. Отсюда тесная связь слова с делом и постоянная тема, особенно в полемике, о соотношении слова и дела: «сколько-нибудь опытный буржуазный политикан никогда не затруднится наговорить сколько угодно, “блестящих”, эффектных, звонких, ничего не говорящих, ни к чему не обязывающих фраз... А коснется до дела – можно сфокусничать».

(Томашевский, 1924, с. 142)

Заслугой Ленина признается то, что сегодня называется перформативностью, самопрезентацией слова. Вместо того чтобы «фокусничать», то есть рассуждать и доказывать, дается лозунг, в котором слово и есть дело (перформатив): «Отсюда стремление в словесных конструкциях Ленина к формулам-лозунгам, имеющим тесное, конкретное, актуальное значение. Избегая универсальных общеполитических сентенций (“фраза”, “теория”, “болтовня”), он стремится кратко и ясно выразить директивы текущего политического действия» (Там же).

Директива – это слово, равнозначное делу. И, конечно, директива не больше нуждается в доказательствах, чем, скажем, клятва, посвящение или название. Если

я говорю: «Я называю свои действия революцией» – это чистый перформатив, как он понимается в лингвистике. Я тем самым и называю свои действия революцией, и вопрос об истинности такого высказывания не может быть поставлен, так как его ненужно соотносить с неречевой реальностью.

В целом можно сделать такое обобщение. Формалисты энергично искали в языке и стиле Ленина нечто родственное их эстетическим установкам, но обнаружили только неприязненное отношение к интеллигентскому языку, в частности, из-за точности последнего и опасности быть выведенным на чистую воду. За этим откровенным пренебрежением к правилам ведения спора формалисты хотели видеть ostracism. За грубой руганью, скрывающей все то же желание спрятаться от аргументов, – футуризм в духе «пощечины общественному вкусу». Но общественные вкусы были безразличны Ленину. «Большевики должны взять власть» – вот реальный девиз. Для достижения этой цели нужно было не полемизировать, а дискредитировать чужие идеи в глазах массы и посулить ей что-то простое, заманчивое и небывалое. Это и было проделано.

То, что говорили о языке Ленина формалисты, было профанировано и многократно пересказано зрелым советским мифом о необыкновенной простоте и небывалом демократизме ленинского стиля. К этой простоте добавляли необычайную ясность. В пользу ясности, на первый взгляд, говорило то, что Ленину поверили простые люди. Но люди верят не только тому, что выглядит ясным, не только тем, кто выражается прозрачно, наконец, не только тому, кого понимают, чему пример – успешная речевая стратегия различных шарлатанов, напускающих словесный туман и очаровывающих в первую голову именно необразованного человека. Но о ясности ниже.

О ясности

В советское время стилю Ленина, разумеется, приписывались все мыслимые стилистические добродетели. Одно из его определений – это «живое слово». Другое – «простота и ясность». Концепт «живого слова» идет прямо от формалистов. Вспомним Институт живого слова, разгромленный, впрочем, большевиками. Но на ясности главным образом настаивали поздние авторы, ссылаясь на Ленина: «Надо, чтобы фраза не темнила умы». С моей же точки зрения, его фразы именно темнили умы, что и помогло ему убедить необразованные массы.

Непосредственно о ясности ленинского стиля формалисты не говорили, но ленинская ясность, простота неоднократно подчеркивалась советскими писателями и публицистами. В поэме В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» есть известный пассаж о рабочем, который был безграмотен, «не разжевал даже азбуки соль», но он «слышал, как говорил Ленин, и он знал все». Да и сам факт того, что риторика Ленина оказалась доходчивой, должен, казалось бы, заставить нас признать простоту и ясность ленинского стиля.

Но жизнь поставила эксперимент. Поколения советских студентов должны были конспектировать статьи Ленина. Сталин позиционировал себя как классик и разжевы-

вал каждую мысль. Ленин писал статьи на случай⁹, и глазами студентов, куда более образованных, чем неграмотные крестьяне, статьи эти не выглядели легкими для понимания. Статья «Как нам реорганизовать рабкрин» стала студенческой идиомой для обозначения тарабарщины.

В речи Ленина «Что такое Советская власть?» мы обнаруживаем риторический парадокс: язык, кажется, создает особую «прозрачность» текста, но при этом служит сокрытию некоторых деталей концепции оратора:

«**Даже** в самой демократической, **даже** в самой свободной республике, **пока** остается господство капитала, **пока** земля остается в частной собственности...; **только** рабочие, **только** трудящиеся» и т.п. Все эти повторы с частыми курсивами демонстрируют абсолютную убежденность оратора в собственной правоте. Текст открывается гипофорами, то есть вопросами оратора к себе: «Что такое Советская власть? В чем заключается сущность этой новой власти, которой не хотят или не могут понять еще в большинстве стран?»

Такие вопросы всегда задаются для усиления ясности, наглядности сказанного. Они, кроме того, демонстрируют готовность оратора к диалогу, открытость его позиции.

При всем этом, однако, в ленинской речи большой загадкой остается как раз «сущность» советской власти, которую оратор определяет через ускользающую классовую характеристику: «теперь управляют государством ... те классы, которых капитализм угнетал». Ленин никак не разъясняет, какую роль играет в Советах интеллигенция, да и статус крестьянства как-то не обозначен в статье.

В одном абзаце сказано: «только рабочие, только трудящиеся крестьяне... составляют Советы». Так, казалось бы, разъясняется сущность советской власти. При этом, однако, не совсем понятно прибавляются ли крестьяне «ради амплификации» или речь идет об их полноправном участии. У вдумчивого читателя подозрения должны вызвать «трудящиеся» перед словом «крестьяне». Позже этот эпитет будет стоить жизни и свободы многим крестьянам оказавшимся «не трудящимися». Что такое «трудящиеся» вообще? Входят ли, скажем, в эту категорию врачи, писари, гувернантки? Вопросов остается много. Что такое советская власть выяснилось лишь на деле. В выступлении все скрыто сильной, эмоциональной речью с повторами и градациями¹⁰.

Кстати, градации Ленина редко бывают семантическими, то есть такими, в которых нарастает некий содержательный признак. Чаще это чисто интонационные,

⁹ Ср.: «Перед нами *par excellence* – эмоциональные, торопливые и сбивчивые выступления, акцент на одной и той же идее, варьируемой вновь и вновь, хотя и на разные лады. Во многих его речах нет ни монументальности, ни системности, ни связности. В них заметно другое – эмоциональное “проговаривание” мысли, особенно увлекшей его в данную минуту, еще и еще раз до тех пор, пока охватившее его напряжение не ослабевает. Это можно скорее назвать своеобразной терапевтической практикой, посредством которой проходит высвобождение неприязни к идеям, людям и событиям, вызывающим всенарастающее раздражение» (Яров, 2007).

¹⁰ Об амплифицирующем построении пишет и Якубинский, используя слово «перечисление» (речь идет о риторическом синатроисме, буквально «куче», нагнетании синонимов) (Якубинский, 1924, с. 75).

стилистические градации: «брать в свои руки все управление **государством**, все управление **хозяйством**, все управление **производством**; от **недостатков** прошлого, от безграмотности, от **некультурности**, от **наследия дикой войны**, от **наследия грабительского капитализма**». Слова «государство – хозяйство – производство» не образуют смыслового ряда с нарастанием признака, тем более не образуют его «неграмотность», «некультурность» и оба «наследия». Градации держатся на интонации, на эмоциональном нарастании.

Выводы

Попробуем теперь ответить на вопросы, поставленные вначале. С высоты истории мы можем сказать, что риторика Ленина – одно из звеньев становления тоталитарной риторики¹¹. Предпосылки этой риторики сложились в революционных кружках с их особым, в известной степени «сектантским» языком. Более глубокие предпосылки лежат в относительно слабом развитии полемического начала в России, где судебное красноречие начинает жить с 1864 г., а парламентское – с 1906.

Тоталитарная риторика исключительно монологична по своей природе. Она изъясняется на своем собственном языке, игнорируя своих оппонентов как принадлежащих буржуазной культуре, подавляющей свободу. Это вообще свойство «левой» мысли, которое на стадии интеллектуального эксперимента для многих выглядит привлекательно. Когда же такие мыслители оказываются у власти, происходит «чудо»: тоталитарная риторика рождает тоталитаризм. Недостатка в примерах нет. Если бы мы научились анализировать не только мысли кружковцев, но и их дискурс, нам не пришлось бы делать поздние открытия. Ленин не был склонен к диалогу, и единственное свое дело в суде он проиграл.

Удел тоталитарной риторики – эпидейктическое красноречие с его филиппиками и панегириками. На долю Ленина выпали филиппики. Филиппики эти приглянулись русским формалистам, которые видели в них родство с собственной бунтарской эстетикой, отрицавшей старое искусство. Но никакой органической связи революционной риторики Ленина с революционным искусством не было. Риторика Ленина была революционной в том смысле, что он делал революцию: большевики должны взять власть. Точно так же риторика Сталина была консервативной, потому что он хотел законсервировать свой режим: большевики должны удерживать власть. Поэтому на долю Сталина достались не только филиппики, но и панегирики. Никто из них не был склонен договариваться со своими оппонентами.

Авангард подходил большевикам на первой стадии их деятельности. Он был им совершенно не нужен, когда они стали решать новые задачи. Как мы знаем, формалисты были разгромлены. Разгромлены не потому, что «ленинская гвардия» уступила место «сталинской гвардии» (разгром соратников Ленина начался позже и

¹¹ Наш взгляд, продиктованный риторическим анализом, вполне совпадает со взглядами Ричарда Пайпса, для которого и ленинский, и сталинский период – закономерное продолжение истории «вотчинного государства» (Pipes, 1974).

продиктован был аппаратной борьбой, а не эстетикой), а потому что прагматичным большевикам он был больше не нужен. Я изучал тоталитарную риторику и знаю, что ее парадигмы не исчерпываются антитезой «Ленин – Сталин». Сменился целый ряд стратегий пропаганды. Незыблемым остался ее принцип: никакого диалога, никаких компромиссов, других ругай, себя хвали, и ни в том, ни в другом не знай меры.

Отвечая на второй вопрос, поставленный вначале, можно констатировать, что никакой простоты и ясности в риторике Ленина не было. Была энергия и искренняя ненависть к дореволюционным порядкам. Этим он увлек массы, которые, конечно, не сумели увидеть в его риторике свое будущее. Иначе они бы за ним не пошли. Мысль о том, что массы обманул не Ленин, а Сталин, явившийся неожиданной помехой на пути построения справедливого общества, не представляется убедительной. Уже при Ленине закрывали газеты и затыкали рты. Сталин скорее спас большевиков своей «добродушной» риторикой, ибо ему приходилось не только ругать, но и хвалить, а последнее требует объяснительного тона. Его риторика была гораздо более простой и ясной, чем ленинские выпады, связанные со злобой дня.

Литература

- Иванов, Вяч., 1996. *О книге Владимира Паперного «Культура–2»*. Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/papern/index.php [см. 16 04 2024].
- Казанский, Б., 1924. Речь Ленина. (Опыт риторического анализа). *ЛЕФ*, 1, с. 111–139.
- Калинин, И.А., 2018. Как сделан язык Ленина: материал истории и прием идеологии. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*, 15 (4), с. 605–617. Режим доступа: https://www.academia.edu/40345872/Как_сделан_язык_Ленина_материал_истории_и_прием_идеологии_Калинин_И_Ичин_К_ред_Энергия_кризиса_Сборник_A1_226_245 [см. 16 04 2024].
- Наумов, Е.И., 1958. Ленин о Маяковском (Новые материалы). *Литературное наследство. Новое о Маяковском*. Москва: Изд-во АН СССР. Т. 65, с. 205–216. Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/LN/Naumov/65/205-216.pdf [см. 16 04 2024].
- Паперный, В., 1996. *Культура Два*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Романенко, А.П., 2003. *Советская словесная культура. Образ ратора*. Москва: Русский язык.
- Томашевский, Б., 1924. Конструкция тезисов. *ЛЕФ*, 1, с. 140–148.
- Тынянов, Ю., 1924. Словарь Ленина-полемиста. *ЛЕФ*, 1, с. 81–110.
- Хазагеров, Г.Г., 2012. *Риторика тоталитаризма: становление, расцвет, коллапс (советский опыт)*. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та.
- Хазагеров, Г.Г., 2020. Грамматические корни риторической амплификации и их роль в убеждении и манипулировании. *Жанры и формы коммуникации. Материалы конференции, Москва, 3–4 декабря 2020*. Москва: РГТУ, с. 13–40.
- Хазагеров, Г.Г., 2022. Неясности в теории аллегории и символа. *Вестник Хакасского государственного ун-та*, 4, с. 76–84.
- Ходасевич, В.Ф., 2010. Язык Ленина. *Ходасевич В. Собр. соч.: В 8 т.* Москва: Русский путь. Т. 2., с. 306–309.
- Шкловский, В., 1924. Ленин, как деканонизатор. *ЛЕФ*, 1, с. 53–56.
- Эйхенбаум, Б., 1924. Основные стилевые тенденции в речи Ленина. *ЛЕФ*, 1, с. 57–70.
- Якубинский, Б., 1924. О снижении высокого стиля у Ленина. *ЛЕФ*, 1, с. 71–80.
- Яров, С., 2007. Риторика вождей: В.И. Ленин и И.В. Сталин как ораторы. *Звезда*, 11, с. 168–179. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2007/11/ia11.html> [см. 16 04 2024].
- Pipes, R., 1974. *Russia under the Old Regime*. New York: Charles. Scribner's Sons.
- Schwyzler, Ed., 1950. Griechische Grammatik. In: *Revue des Études Grecques*. Vol. 64, pp. 299–301.

References

- Eikhenbaum, B., 1924. Osnovnye stilevye tendentsii v rechi Lenina. [Main stylistic trends in Lenin's speech]. In: *LEF*, 1, pp. 57–70.
- Ivanov, Vyach., 1996. *O knige Vladimira Papernogo «Kul'tura-2»*. [About the book by V. Paperny "Culture TWO"]. Available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/papern/index.php [Accessed 16 April 2024].
- Kalinin, I.A., 2018. Kak sdelan yazyk Lenina: material istorii i priem ideologii. [How Lenin's language was made: the material of history and ideological device]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta. Yazyk i literatūra*. [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], 15 (4), pp. 605–617. Available at: https://www.academia.edu/40345872/Как_сделан_язык_Ленина_материал_истории_и_прием_идеологии_Калинин_И_Ичин_К_ред_Энергия_кризиса_Сборник_A1_226_245 [Accessed 16 April 2024].
- Kazanskii, B., 1924. Rech' Lenina. (Opyt ritoricheskogo analiza). [Lenin's speech. (Experience in rhetorical analysis)]. In: *LEF*, 1, pp. 111–139.
- Khazagerov, G.G., 2012. *Ritorika totalitarizma: stanovlenie, rastsvet, kollaps (sovetskii opyt)*. [The rhetoric of totalitarianism: formation, flourishing, collapse (Soviet experience)]. Rostov-na-Donu: Rostov University Publ.
- Khazagerov, G.G., 2020. Grammaticheskie korni ritoricheskoi amplifikatsii i ikh rol' v ubezhdenii i manipulirovanii. [The grammatical roots of rhetorical amplification and their role in persuasion and manipulation]. In: *Zhany i formy kommunikatsii. Materialy konferentsii, Moskva, 3-4 dekabrya 2020*. [Genres and forms of communication. Conference Proceedings, Moscow, 3-4 December 2020]. Moscow: RGGU Publ., pp. 13–40.
- Khazagerov, G. G., 2022. Neyasnosti v teorii allegorii i simvola. [Ambiguities in the theory of allegory and symbol]. In: *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo un-ta*. [Vestnik of Khakass State University], 4, pp. 76–84.
- Khodasevich, V.F., 2010. Yazyk Lenina. [Lenin's language]. In: *Khodasevich, V. Sobr. soch.: V 8 t.* [Khodasevich, V.F. Collected Works in 8 vol.]. Moscow: Russkii put' Publ. Vol. 2., pp. 306–309.
- Naumov, E.I., 1958. Lenin o Mayakovskom (Novye materialy). [Lenin about Mayakovsky (New materials)]. In: *Literaturnoe nasledstvo. Novoe o Mayakovskom*. [Literary heritage. Vol. 65. New information about Mayakovsky]. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, pp. 205–216. Available at: <http://feb-web.ru/feb/litnas/texts/l65/m65-205-.htm?cmd=p> [Accessed 16 April 2024].
- Papernyi, V., 1996. *Kul'tura Dva*. [Culture Two]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.
- Pipes, R., 1974. *Russia under the Old Regime*. New York: Charles. Scribner's Sons.
- Romanenko, A. P., 2003. *Sovetskaya slovesnaya kul'tura. Obraz ritora*. [Soviet verbal culture. The image of a rhetorician]. Moscow: Russkii yazyk Publ.
- Schwyzler, Ed., 1950. Griechische Grammatik. In: *Revue des Études Grecques*. Vol. 64, pp. 299–301.
- Shklovskii, V., 1924. Lenin, kak dekanonizator. [Lenin as decanonizer]. In: *LEF*, 1, pp. 53–56.
- Tomashevskii, B., 1924. Konstruktsiya tezisov. [Structure of abstracts]. In: *LEF*, 1, pp. 140–148.
- Tynyanov, Yu., 1924. Slovar' Lenina-polemista. [Lexicon of Lenin the polemicist]. In: *LEF*, 1, pp. 81–110.
- Yakubinskii, B., 1924. O snizhenii vysokogo stilya u Lenina. [About "low style" in Lenin's speech]. In: *LEF*, 1, pp. 71–80.
- Yarov, S., 2007. Ritorika vozheidi: V.I. Lenin i I.V. Stalin kak oratory. [Rhetoric of leaders: V.I. Lenin and I.V. Stalin as speakers]. In: *Zvezda*, 11, pp. 168–179. Available at: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2007/11/ia11.html> [Accessed 16 April 2024].